

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 31 (4473).

31 июля 1974 г. СРЕДА

ГАЗЕТА

Трибуна ПУБЛИЦИСТА

ПАРТИЯ ЗОВЕТ!

Комишь ЯШЕН, депутат Верховного Совета СССР

В эти жаркие июльские дни наш народ живет особенно напряженной и полнокровной жизнью. Каждый день пятилетки приближает его к заветной цели, потому что все развитие советского общества с момента его основания великим Лениным представляет собой последовательное продвижение по пути к коммунизму. День за днем мы создаем свой уклад жизни, идем вперед, овладеваем новыми высотами, с воодушевлением воплощая в действительность грандиозные предначертания партии.

Закончила свою работу первая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва. Ее проводил Пленум Центрального Комитета КПСС, который рассмотрел вопросы, стоящие на сессии. В обстановке полного единения на ней был избран Президиум Верховного Совета СССР и образовано Советское правительство.

Есть что-то символическое в том, что сессия собралась в период жаркой борьбы за урожай четвертого года пятилетки. Энергично, по-деловому сессия решила важнейшие вопросы современного этапа развития нашего государства. Эта спокойная уверенность в будущем, ясный взгляд в завтрашний день открывают нас, дают возможность неуклонно расширять масштабы социально-экономических преобразований.

Оглядываясь на прошедшие четыре года, мы с удовлетворением сегодня отмечаем, что под руководством Коммунистической партии успешно решались вопросы внутренней и внешней политики, была заложена прочная основа выполнения пятилетнего плана. Впереди — завершающий этап работы. И здесь нельзя не сказать, какую радость у всех нас вызвало сообщение ЦСУ СССР, опубликованное накануне сессии. Огромны достижения советских людей!

На сессии отмечалось, что прошедшие выборы в Верховный Совет СССР вылились в грандиозную демонстрацию монолитной сплоченно-

сти всего советского народа вокруг Коммунистической партии, ее Ленинского Центрального Комитета, несокрушимого идейного и социально-политического единства советского общества, дружбы и братства всех наций и народностей, населяющих нашу необъятную Родину.

Творческий подход к решению главных проблем на всех участках нашей жизни — одна из характерных черт современности. Слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, сказанные им на торжествах в Польской Народной Республике, о том, что по мере продвижения вперед жизнь перед нами выдвигает крупномасштабные и сложные задачи, заставляют нас еще раз задуматься над смыслом и спецификой нашего писательского труда, над его значением и ролью в общенародном деле, нацеливают нас на поиск и разработку тем, имеющих важное значение для всего общества в целом.

В этом движении вперед по пути к коммунизму место писателя — в первых рядах, потому что литература всегда была и всегда будет верным помощником партии в деле воспитания трудящихся в духе преданности коммунистическим идеалам. Главным героем советской литературы всегда был человек труда. Именно он определяет нравственную ценность нашего общества, именно он воплощает в себе наш идеал. 769 рабочих и колхозников в Совете Союза и в Совете Национальностей составляют Совет народных депутатов. В состав Президиума Верховного Совета СССР вместе с видными партийными и государственными деятелями вошли московский строитель Н. А. Злобин, фрезеровщик Уральского автомобильного завода Н. А. Новоселов, бригадир тракторной бригады из Кировоградской области А. В. Гителов, шахтер из Кузбасса Г. Н. Смирнов. Членом Президиума Верховного Совета СССР стал и писатель лауреат Ленинской премии Р. Гамзатов.

В решениях Пленума Центрального Комитета КПСС и первой сессии Верховного Совета СССР воплощается ленинский курс нашей партии — курс на успешное строительство коммунистического общества, на всемерное укрепление единства стран социалистического содружества, упрочение мира и безопасности народов, социальный прогресс человечества. Мы гордимся своими успехами, но мы никогда не успокоимся на достигнутом, не остановимся в своем движении вперед. Мы будем работать все продуктивнее, с полной отдачей сил, чтобы добиться еще большего расцвета нашей Родины, реализации планов, намеченных партией.

Золотые руки, золотое зерно...

Фото: Е. ГРАВИЛИНА и Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Эти руки готовили весной землю для семян. Потом ухаживали за молодыми зелеными всходами. А теперь по бескрайним просторам тучных нив они ведут степные корабли... Руки принимают хлеб! Золотые руки и золотое зерно. Жатва не прекращается ни на час. И днем, и ночью гудят на полях моторы. И как награда земледельцу — теплое дыхание зерна на ладонях.

Научно-техническая революция Человек Литература

Диалог «ЛГ»

Академик АН БССР, Герой Социалистического Труда Н. ЕРУГИН — поэт

стр. 5 А. ВЕРТИНСКИЙ

СРЕДИ КНИГ

ПРОЗА

РАССКАЗ РУСТАМА ИБРАГИМ-БЕКОВА

стр. 6

ПРИРОДА И МЫ

ЗАМЕТКИ СО ДНА БУДУЩЕГО МОРЯ

стр. 10

Г. Д. ЛУТОШКИН, секретарь Тюменского обкома КПСС

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Вот и закончились традиционные Дни советской литературы на земле тюменской... Пять по счету. За эти пять лет у нас побывало более трехсот прозаиков, поэтов, драматургов, публицистов, критиков...

Живая связь с практикой коммунистического строительства всегда была отличительной чертой литературного процесса в нашей стране. XXIV съезд КПСС поставил перед творческими союзами задачу: всемерно укреплять содружество творческих работников с производственными коллективами. Эта задача и вызвала к жизни такую своеобразную форму общения с трудящимися, как Дни советской литературы. Писатели встречаются с производственными коллективами, делятся своими планами, рассказывают о совре-

менной многонациональной советской литературе, словом, принимают самое непосредственное участие в коммунистическом воспитании трудящихся, в формировании художественного вкуса. Думается, что это серьезная акция Союза писателей СССР, заметно повышающая его авторитет, показывающая, как на практике разви-

ваются горьковские традиции. Программа нынешних Дней литературы, проводимых под девизом «Писатели — пятилетке», была чрезвычайно насыщенной. Художники слова побывали у нефтяников, строителей, геологов, лесозаготовителей, авиаторов, труженников села, у тех, кто прокладывает железную дорогу к Самотлору, ведет нефтепроводку на побережье Карского моря.

Итогом поездок стал большой творческий разговор о сибирском характере. Правда, этот разговор условно, потому что сибирский характер — это прежде всего характер советский. Состоялся интересный писательский разговор о жизни новостроев, о людях нашей земли. Участники дискуссии отмечали, что духовный мир современного

ГОРЯЧЕЕ СОЛНЦЕ СИБИРИ

человека год от года становится богаче и богаче. Увидеть и запечатлеть этот процесс — задача ингерасная, своеобразная. Пятилетний опыт встреч тюменцев с писателями оставил заметный след. Каждая встреча с умной книгой, с новой песней, с интересной кинолентой доставляет радость, вносит в жизнь новые краски. И потому для трудящихся нашей области Дни советской литературы — праздник. Большой, радостный...

Анатолий АНАНЬЕВ, секретарь правления СП РСФСР

ПОЧЕРК ПЯТИЛЕТКИ

СИБИРЬ. Край могучий. Легендарная земля. Кладовая бесценных сокровищ. В пятый раз здесь прошли Дни советской литературы. Мы часто говорим, что нет малых дел, что все дела, где бы они и кем бы ни совершались, по-своему всегда значительны. Это огромные преобразования, которые осуществлены за одно только десятилетие на сибирской земле, легендарны. Нет в нашей стране человека, кото-

рый не знал бы сегодня названий: Самотлор, Сургут, Надым, Пума; А! тюменская нефть, тюменский газ! Но дело не только в открытии несметных богатств... Здесь выросли новые поселки и города, пролегли шоссе и железно-дорожные магистрали, благоустроилась жизнь людей этой некогда таежной провинции,

непродолимых болота, вкопанная глухомань, и вдруг — дома, буровые вышки, бетонные площадки, ленты дорог. Мы с удивлением следим за событиями, которые происходят здесь, и если говорить о наших творческих планах, то каждый прозаик, каждый поэт или драматург, если он задается целью отразить ритм и дыхание эпохи, мне кажется, не может (хотя бы мысленно) не обратиться к теме Тюмени и тюменцев. Несомн., научно-техническая

революция и тюменская нефть — это понятия, в сущности, неограниченно друг от друга. Я сказал бы так: а делая тюменцев — почерк эпохи. Замечательный, прекрасный трудовой почерк. За последние годы в литературу пришло много новых интересных писателей, со своим видением мира. И «сибирская тема» занимает в их творчестве видное место. Это надо отметить. Дни советской литературы в Тюменской области (организаторы этого праздника — Союз писателей СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ) прошли в замечательное время. Замечательное тем, что идет четвертый, определяющий год девятой пятилетки и уже подведены итоги первой его половины. Судя по результатам, тюменцы держат хороший трудовой темп. Мы с добрым чувством смотрим в будущее, оно светло и ясно для нас. Ветер века дует в наши паруса, как сказал в свое время замечательный поэт Александр Твердовский. Хочется только желать, чтобы жизни нашей — и трудовой, и творческой, литературной — всегда сопутствовал этот вдохновенный ветер века...

революция и тюменская нефть — это понятия, в сущности, неограниченно друг от друга.

Я сказал бы так: а делая тюменцев — почерк эпохи. Замечательный, прекрасный трудовой почерк. За последние годы в литературу пришло много новых интересных писателей, со своим видением мира. И «сибирская тема» занимает в их творчестве видное место. Это надо отметить.

Дни советской литературы в Тюменской области (организаторы этого праздника — Союз писателей СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ) прошли в замечательное время. Замечательное тем, что идет четвертый, определяющий год девятой пятилетки и уже подведены итоги первой его половины. Судя по результатам, тюменцы держат хороший трудовой темп. Мы с добрым чувством смотрим в будущее, оно светло и ясно для нас. Ветер века дует в наши паруса, как сказал в свое время замечательный поэт Александр Твердовский. Хочется только желать, чтобы жизни нашей — и трудовой, и творческой, литературной — всегда сопутствовал этот вдохновенный ветер века...

стр. 2

Разговор об аттестации научных работников

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

ЛЮДИ И ВЕЩИ:

иной поворот темы

стр. 12-13

НИКОЛАСУ ГИЛЬЕНУ, ПРЕЗИДЕНТУ УНЕАК, ГАВАНА

Дорогие друзья! В связи с революционным кубинским праздником — Днем национального восстания, 31-й годовщиной штурма казармы Монкада советские писатели шлют своим кубинским коллегам самые горячие поздравления. С братскими чувствами и восхищением следим мы за успехами кубинского народа, уверенно идущего по

пути, открытому героями Монкады. С радостью видим, как наши братья — кубинские писатели принимают активное участие в строительстве нового общества, помогая воспитанию нового человека. Мы уверены, что план сотрудничества, подписанный между ЦК КПСС и УНЕАК откроет новые пути для дальнейшего укрепления традиционных дружеских и творческих связей, объединяющих нас. Да здравствует дружба между нашими писателями и литераторами! СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

А. ВЕРТИНСКИЙ. Николай Павлович, в своей статье «Математика — ба- рономатрица» вы рассуждаете о математике как о науке, которая идет вперед, а искусство...
И. ЕРУГИН. Нет, не значит. Это было полумифическое восприятие. Я — за литературу! За музыку! За живопись! Вы разочарованы?

А. ВЕРТИНСКИЙ. Нет, напротив. Хотя, конечно, не так просто будет преодолеть невольное заблуждение — тем более, что мне даже — голубому — не пришлось бы подумать: «А все-таки литература прежде всего!» Представляю, как можно воспользоваться вашей фразой, чтобы с замечательной набоной обличительной типичностью, обобщенного антагониста искусства.

И. ЕРУГИН. Формально — да. А по существу — нет. Разве я не утверждал в той же статье, что скрипка Эйштейна сегодня сопоставима со скрипкой Энрико?

А. ВЕРТИНСКИЙ. Но соблазн поспорить с вами исключительный.
И. ЕРУГИН. А все потому, что выработался стереотип кодификации: поэт — ученый. Часто, когда встречаются не слишком воспитанные «физики» и не слишком терпимые «литрики», возникает дежурная перепаранка: мы, физики, открыли что-то новое, а вы, лирики, не открыли.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Такой уровень спора, увы, не сулит открытия даже самой элементарной истины. В статье «Точка опоры» (ЛПР 20 марта 1974 г.) А. Метченко, в частности, заметил, что «спонсоры» отгородились от проблем научно-технической революции не сулит писателю успеха. Ибо неизбежно вступают в противоречие с самой природой художественного творчества, которое в состоянии развиваться только во взаимодействии с жизнью.

И. ЕРУГИН. Справедливо и обратное. Предположим такой теоретический эксперимент. Допустим, родились два потенциальных Эйштейна. Обоим дали математическое образование на современном уровне, но одного из них воспитали, как в эпоху Архимеда, а другого — на уровне «А» наших дней. Уверен, что первый был бы не менее интересен как личность.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Иначе говоря, одна математическая линия не может быть «барометром» привлекательности? Чем тогда объяснить идею «математизации» поэзии? Не желанием ли помочь ей?

И. ЕРУГИН. Но давайте допустим, что в недрах нашей психики уже рождается какая-нибудь иная форма восприятия мира, оставляющая амплоям очень мало места. Значит, возникает потребность в поэзии другого рода — например, логической. Тогда, возможно, и пригодится машина-поэт.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Я не могу согласиться с такой постановкой второго вопроса. Почему, во-первых, мы должны произвольно допускать то, чего как раз и нельзя допустить, а именно: человечество, лишнее эмпирии? Кроме того, подобные гипотезы, весьма уловимые и в нравственном смысле, отвлекают силы науки от более серьезных проблем. Не лучше ли изучать глубины реальной человеческой психики, чем блуждать над созданием ее элементарной модели?

И. ЕРУГИН. Вы несколько выражаете позитивистское отношение к науке. Вероятно, тем же грешу и я в отношении искусства. Признавая друг друга занимаемся каждый «своим» делом, мы, не желая того, выступаем в роли прагматиков. Нельзя запретить ученому мечтать.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Речь не о запрете, а о том, чтобы мечта никогда не оборачивалась против человека. В идее позитивистского робота отчетливо подразумевается недоверие к человеку, сомнение в его творческих и духовных возможностях. Я не исключаю,

что ее вдохновляло некое тайное самозаблуждение: от сознания всемогущества науки: она семимильными шагами идет вперед, а искусство...
И. ЕРУГИН. Насколько мне известно, об отставании литературы больше говорят сами писатели, особенно критики, чем люди науки. Тревога эта настолько захватывает вас, что вы готовы объявить аврал. Не появилось в отчетный период выдающееся или хотя бы заметное произведение — тут же трагический вывод: литература отстала, искусство вышло вперед. Хотя поминки справил.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Лучше бесполокостью чем благодушием. Тот факт, что предметом многоочередных дискуссий, «круглых столов», анкет стала тема «НТР и литература», говорит о назревшей потребности осмыслить этот процесс. Но вовсе не значит, что литература утрачивает свою специфику. Главным был и остается человек, его жизнь во всей своей многогранности.

И. ЕРУГИН. В таком случае отрицательный опыт математизации поэзии тоже приносит пользу: она — в очевидной бесплодности и противостоитности метода добыть живое слово машинным способом.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Я и не сомневаюсь в этом никогда. Поэзия рождается только в человеческой душе.

И. ЕРУГИН. Чем же тогда возмущала вас идея самонадеянных кибернетиков, заведомо обреченная на провал?

А. ВЕРТИНСКИЙ. Вы хотите сказать, почему бы не позволить себе синкретичность? Но ведь идея «электронного поэта» — совсем безобидна, ибо она волюнтарно и невольно ведет к «отмене» духовных потребностей человека, его эмоционального мира, душевных порывов.

И. ЕРУГИН. Вы, по-моему, слишком заостряете вопрос. Уж если говорить о судьбе поэзии, то, повторю, ее суверенитету угрожает как раз не кибернетика, а Механизация поэзии.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Вы, очевидно, вместе в анду выступили поэтов в дискуссии, начатой в «Литературной газете» статьей Станислава Куняева «Разговор книгопродавца с поэтом»?

И. ЕРУГИН. И ее тоже. Но я хочу сказать, что и в этом вопросе тревогу бьют сами писатели. Выходит, не кибернетика виновата в отставании поэзии?

А. ВЕРТИНСКИЙ. Вероятно, стандартное мышление многих поэтов и дает повод кибернетикам заниматься машинными стихотворчеством — и в том и в другом случае нет ни индвидуальности, ни страсти. Но удивительнее, что та самая «ремесленная продукция», о которой вы говорите, находит своего читателя!

И. ЕРУГИН. Читатели тоже заслуживают упрека. Вспыши надо формировать. Ведь не секрет, что есть люди, не отличающиеся искусством от подделки. Надо помогать читателю чувствовать и ценить живое слово, найти «своего» поэта. Даже Пушкина — и, пожалуй, именно Пушкина! — каждый должен открыть для себя сам. Неожиданно, впрочем, чтобы гениальные стихи пробили его, как слезы первые любви.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Вы, конечно, нарисовали образ идеального читателя?

И. ЕРУГИН. Ничуть! Большинство читателей — именно такие. Но среди людей поэзии можно встретить читателя, который — читая — воплощает в себе то, что предлагается в качестве «духовной пищи». — и капризные требования: «Хочу, чтобы меня развлекли! Не хочу того, подаете другое!»

А. ВЕРТИНСКИЙ. Я считаю, что взаимоотношения

поэта и читателя подлинны, когда их можно определить как сотворчество. В нем радость общения, сбывшаяся мечта о встрече.
И. ЕРУГИН. Никакой встречи не будет, если нет поэзии. Только настоящая поэзия способна побудить к сотворчеству, приобрести и красоту жизни.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Надо еще и уметь читать поэзию. То есть я говорю о культуре чтения. Эта проблема особенно актуальна сегодня, когда нолье музы активно содержатся в литературе, с каждым днем расширяя сферы своего влияния. Вы правы, мы еще плохо воспитываем читателя, драматически не приносим ему культуры чтения. Такие разговоры надо вести с широким участием и писателей, и читателей.

И. ЕРУГИН. Но мне кажется, этот разговор будет узок, если не вести речь прежде всего о культуре души, о воспитании чувства, как мы умеем откликаться на радость, боль, на прекрасное. Кстати, этим должны заниматься не только литература и искусство. Тут и для науки широкое поле деятельности. Не говоря уже о том, что есть даже специальные дисциплины, занимающиеся проблемами воспитания человека.

А. ВЕРТИНСКИЙ. В поэзии эта мысль может быть выражена так:

И признаю
 Учужденное родство,
 И различие от века:
 И различие от века:

А. ВЕРТИНСКИЙ. Вот видите. Значит, есть область, в которой наука бессильна. Но если у биологов все лирические гипотезы рухнули — и вот с ними: никакая катастрофа не произошла. А случись такое с литературой — это может обернуться серьезными последствиями.

И. ЕРУГИН. Еще одно доказательство того, что литература и наука не дублируют друг друга. Но нет здесь и взаимного отрицания. Поэт, решившийся взглянуть в сад науки, думаю, не уйдет разочарованным. Он обогатится не только золотыми плодами знания, но и новыми открытиями. Без которой нет открытий — ни научных, ни поэтических.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Вы хотите сказать, что поэзия, обратившись к науке, обретет в ней новый источник и познания, и вдохновения?

И. ЕРУГИН. Так же, как и наука в поэзии. Но речь, конечно, не о «допниге» искусства, будто бы способном стимулировать научное творчество.

А. ВЕРТИНСКИЙ. В этом смысле мне близка мысль Андрея Вознесенского, определившего пафос его «Диалога» обывателя и поэта о НТРе: «Да здравствует Научно-техническая, перерастающая в Духовную!» Но, главное, поэт не склонен полагаться на то, что все образуется без участия человека, а пытается осмыслить свое место в

иначе, чем как к соблазну. Это явление социальное. Потреблено можно не только вещей, но — идеи, искусство, любовь...
А. ВЕРТИНСКИЙ. ...и НТР?

И. ЕРУГИН. Вот именно. И потому писателю не стоит жадно персонального прилагательного, когда «революция» потребует — она требует. Роль литературы здесь неопределима. Она прежде всего обеспечивает нравственный климат эпохи.

А. ВЕРТИНСКИЙ. В роли пропагандиста и популяризатора идей НТРе?

И. ЕРУГИН. Только в случае, если речь идет о научно-популярном жанре. Странно было бы слышать о подобной роли литературы, хотя и с оговорками, из уст некоторых прозаиков, участников недавних дискуссий на тему «НТР и литература».

А. ВЕРТИНСКИЙ. Конечно, НТР меньше всего нуждается в «рекламе». Однако нельзя не учитывать все возрастающий интерес современного человека к науке, ее проблемам.

И. ЕРУГИН. Одно дело,

элементарных частей. Не сомневаюсь, академик Я. Зельдович мог бы изложить ее очень точно на языке строгих формул и схем. Нет, он ищет «человеческий» смысл в этом таинственном акте рождения частиц — антинейтрино. Не так уж и просто привести маленький отрывок из его статьи «Рождение элементарных частиц»: «Меня в последние времена рождения пар частиц увлекает настолько, что я почти не в состоянии заниматься ничем другим...»

Меня в минуты человеческую пару — он и она, — мне умило верить, что они родились не отдаленно и по-прежнему восторжествуют. Древнегреческая легенда говорит, что души влюбленных рождаются парами, потом они разделяются, не там и там вымирают, но в различных пространствах, а после мучительно шут того партнера, с которым когда-то родились. Счастливое восторжество единственного, произрастающая острота соединения — разве все это не является ли поэзией, поэзией чистейшей и антиматематичной?»

А. ВЕРТИНСКИЙ. Да, вы правы. Здесь мы видим, как мучительно размышления о, казалось бы, сугубо отвлеченной, абстрактной проблеме вдруг, как бы озаряясь, сложным челове-

в них еще почти детских сердцах и не оставившаяся перед смертью.
И. ЕРУГИН. Но вот ли известной самонадеянности — объяснить чудо?

А. ВЕРТИНСКИЙ. Только не самонадеянности; в отличие от поэтов-кибернетиков здесь нет недоверия к человеку. Наоборот. Любовь Ромео и Джульетты привлекает тем, что в ней люди, в том числе и ученые-философы, чувствуют непереносимость душевной красоты. Она — идеал, без которого бы жизнь сразу потускнела. Сомневаюсь, что в данном случае можно поспорить с догадкой о гениальности самой гениальной научной теории. Вот вам две эпиграммы — на Ньютона и Эйштейна.

Был тот мир
 глубокой тьмой окутан,
 Да бужд свет!
 И вот явился Ньютон,
 (Эпиграмма XVIII века).
 Мо стана неодоле
 Пришел Эйштейн, «идея равновесия,
 и стало все как раньше,
 (Эпиграмма XX века).

Они говорят сами за себя.
И. ЕРУГИН. Но меня это несколько не поражает. Напротив, я считаю, что именно здесь стимул к дальнейшему, еще более глубокому познанию законов жизни. Процесс этот бесконечен. Иначе мы до сих пор представляли бы строение Вселенной, как Птолемей.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Но что знаменательно: как бы ни менялась физическая модель мира и наши представления о нем, искусство, созданное человеком за многие века своей истории не девальвировалось. Я употребляю термины ученых, которые, как мне кажется, отмечают этот факт с душевным облегчением.

И. ЕРУГИН. Простите, но мне даже в голову не приходило, что НТР может покусаться, скажем, на Гафалла. Представьте Колролева без Пушкина? Абсурд! Весьма крайняя и агрессивная точка зрения узкого специалиста. Современный человек призывает на помощь всю культуру — как бы «расширяет» свое сердце, чтобы выдержать гигантский напор новейшей информации, «безумных идей», потрясающего ощущения бесконечности мироздания, которое «захватывает дух» даже у астронома, по признанию И. С. Шкловского. В чем здесь проявляется главный закон жизни — гармония? В стремлении человека ощущать себя в истории и истории в себе — тем самым преодолеть одиночество. Вот ведь в чем урок, завещанный нам бессмертным искусством: побуждает время — значит всеми силами души расти в себе будущее, творить его. И не тем ли нам так близок в XX веке Одиссей, что он олицетворяет извечную идею Человека, его признание — овладеть пространством — то, что стало насущной явью, реальным делом всего человечества? Отправился бы он в неведомое, зная, какую тоску по дому ему предстоит пережить? Но, может быть, им двигало и желание испытать свою любовь.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Да, вы правы. Кстати, об этом же размышляет в прекрасном стихотворении «Гоммер» Максим Тапк. Я убежден, что только в порыве вдохновения человек способен увидеть величие красоты Вселенной, как ее увидел Циолковский и Гагарин. И в этот момент он не стесняется созерцать, допущенный в музей Прише. Здесь наука сливается с искусством, ученый с поэтом. А это и значит — быть современным человеком.

И. ЕРУГИН. Если я заговорил об образе ученого в литературе, то поверьте, не из чувства обиды. По-моему, здесь особенно наглядно проявляется ложный принцип, когда представитель ультрасовременной или, скажем, «модной» профессии — например, физик, космонавт — уже заранее вознесен на пьедестал. И главная беда, на мой взгляд, в том, что автора, волюнтарно вознося, такой герой интересен не как человек, а как необыкновенный представитель человечества, возмущающий с высот духа на престоле смертного.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Мне лично подобная тенденция кажется странной. И тем более, что она способна вызвать недоверие к НТРе, которая, сама того не подозревая, оказывается, отменяет «простые» человеческие заботы, чувства. Принаюсь, когда смотрел фильм «Калина красная», я завидовал Егору Прокудину — как он умеет разговаривать с природой.

И если в этой связи говорить о «поэзии науки», то она тоже рождается в душе. Здесь наука сливается с искусством, ученый с поэтом. А это и значит — быть современным человеком.

И. ЕРУГИН. Мудрый человек замечательно сказал: «Литература — духовное завещание, которое одно поколение оставляет другому». Мне бы хотелось, чтобы будущий человек почувствовал нашу любовь и жему и чтобы она поддерживала его на благополучном пути и достигании высших идеалов...
 Диалог вел Владимир ЮРКИН

ГОМЕР, НТР И ГАРМОНИЯ...

Ученый
 Расклинает острие,
 Поэты
 Собирают Человечий
 Диалог

этом грандиозном процессе:
 Я — получаю
 научные-технические
 революции.
 При всем уважении
 к вам, и поразившим
 меня, чтобы в своем
 диалоге являющийся
 бы водворять
 и делиться мыслями...
 и если для
 чрезвычайных мер
 Революция потребует
 одного чл. — поэта —
 и — чп НТРе!

когда за читательским интересом стоит серьезное желание постичь глубины науки, ее философию, «драму идей», и совсем иное — желание «приобщиться». Это тоже своего рода потребность. Интеллектуальное одиночество.

А. ВЕРТИНСКИЙ. Я думаю, такой интерес в значительной степени бескорыстен. Он вызван прежде всего необходимостью людей науки. И не обязательно, чтобы, прочитав книгу об астрономии, человек решил посвятить себя изучению светила. А вот кто поймет глубину духовного мира Курчатов, человека, гражданина и ученого, ближе к сердцу примет красоту и философию его научных идей. Популяризировать науку надо, и здесь со всей серьезностью встает вопрос о мастерстве автора.

Можно только мечтать, чтобы крупный ученый был бы одновременно и прекрасным писателем, владеющим словом. И примеры такого рода, конечно, есть. Когда я читал книгу замечательного врача Бенджамина Спока, меня поразило не только научное идею, но и философская и человеческая ее глубина. Автор докидается до истин ради ребенка, ради его счастья. И тут, наверное, более всего подошло бы определение — «поэзия науки».

И. ЕРУГИН. Все, что создают наука и искусство, — ради человека. Как важно поэтому, чтобы сокровенный смысл творческих исканий ученого или художника доходил до читателя! Как это сделать? Вот, к примеру, новейшая проблема физики — закон рожде-

ческим чувством — любовью, обретают очертания и конкретность поэтического образа. И раскрыть его суть — значит не только вывести математическую формулу, а прежде всего коснуться трепещущей тайны рождения самой жизни.

И. ЕРУГИН. Удивительно, что чем красивее, художественнее звучит теория, тем больше применения она имеет. Мой учитель Н. М. Гюнтер говорил: «Если у вас сложные выкладки гармоничны, то это значит, что они и правдивы, а если там у вас хаос, нет эстетичности, то значит, где-то уже напутано». Таков закон науки.

А. ВЕРТИНСКИЙ. ...я искусства. «Прекрасное должно быть величаво!»
И. ЕРУГИН. Вот вам образец величия прекрасного в научном творчестве — теория Эйштейна. В ней, впрочем, на 30 страницах, уместилась вся Вселенная с ее законами и следствиями для будущего. А сколькоими томами комментарий она уже успела обрести! Не свидетельствует ли это о философской глубине, ее возмущающей, неисчерпаемой поэзии?

А. ВЕРТИНСКИЙ. А какое потрясение вот уже несколько веков испытывают люди, читая — нет, сопереживая, давая ей новую жизнь в своем сердце — печальнейшую на свете повесть историю любви Ромео и Джульетты! Что же касается комментариев — их целая библиотека. Литературоведы, философы, психологи стремятся понять сами и объяснить другим, что же за чудо — любовь, вспыхнувшая с такой силой

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ

А. А. БАБАЕВУ — 50 лет

«От всей души поздравляем Вас, известного советского критика и литературоведа, с пятидесятилетием со дня рождения.

Приняв в литературу сразу же после окончания Военно-Отчетственной войны, Вы внесли большой вклад в развитие советского искусства, составили авторский коллектив советского читателя с современной творческой литературой, и в поэзии и в прозе с творчеством Назыма Хикмета.

Изданные Ваши книги и выступления в газете «Кинематограф» и журнале «Очерки новейшей турецкой литературы» и другие дадут право судить о Вас как о талантливом критике-публицисте и литературоведе. Вы являетесь главным редактором, составителем авторского коллектива и примечательной и популярной сборнике советской литературы Назыма Хикмета на турецком языке в восьми томах.

Значительные Ваши заслуги и в области художественного перевода. Благодарим Вас за плодотворную и ответственную работу по переводу турецкой литературы на русский язык. Мы высоко ценим Ваши труды по переводу турецкой литературы на русский язык. Мы высоко ценим Ваши труды по переводу турецкой литературы на русский язык.

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по зарубежным связям литературы и Совет по критике и литературоведению направляют приветствие и поздравления Вам.

Ю. А. ЮРКИНУ — 50 лет

Гусьяна, Анара, Аллага Юрчины — это три имени, которые связаны с именем Юрия Александровича Юркина (Мининера) секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по зарубежным связям литературы и Совет по критике и литературоведению направляют приветствие и поздравления Вам.

«Литературная газета» присодинилась к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Сердечно благодарю всех, кто поздравил меня с семидесятилетием и приветственным письмом наградой — орденом «Знак Почета».

Марк КОЛОСОВ

Разрешите через вашу газету выразить благодарность всем, поздравившим меня с шестидесятилетием.

Ю. СОТНИК

ХУДОЖНИК И КНИГА

Рисунок художника Ю. Пареева к книге Юрия Слюкина «Ревет и стонет Днепр широкий...». Издательство «Советский писатель»

Сибиряки, и потому принадлежат и автор этой статьи, издан в 1974 году. В книге описаны различные районы Сибири, в том числе и Братский район. Автор рассказывает о жизни и труде людей в Братске, о развитии города, о его промышленности, о его культуре и спорте. Книга интересна и познавательна. Она поможет вам лучше узнать Братск и его жителей.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ туши задержали на Усть-Илимском порте. Дальше идти было нельзя с Ангарой не шутя. Еще не все дамы, в шестьдесят девятом году, наскочило на камень у этого порога: небольшое судно, и четыре человека погибли.

Подождали к берегу, поплыли на зеленую и упругую, словно резиновую, землю. Было рано, четыре часа утра. Но спать не хотелось. Может быть, раз в жизни бывает такое утро.

Трудно было поверить, что уже очень скоро вот эта зеленая долина станет морским дном, и воды, вышедшие поодаль, скроются под водой, и рыбы заснутой меж стволами берез. Не ждали, но уже не было, а нынче осесть перекроют донные отверстия в плотине Усть-Илимской ГЭС, и начнется заполнение еще одного огромного водохранилища.

Но размерами оно будет уступать Братскому, уже вписанному в карты географические карты страны, и все-таки будет весьма удивительным. Неудачно сфотографировать новые заливы и фьорды, которые не было прежде. Наверное, они будут красивы. Но того, что видишь сейчас мы, уже не будет. Как сказал когда-то Твардовский, часть красы земной уйдет, чтоб место дать новой.

В такие минуты о возможности жизни вспоминаешь, как будто в далеком прошлом. Гордыли мифическим чудесным разумом и рукам — естественно и закономерно. Безудно упавшая на не забытых о примках и косвенных последствиях своего вмешательства. Гибелью. Мы повалили это. Настолько хорошо поладили, что появились — и в немалом числе — люди, впадающие в противоположную крайность, готовые чуть ли не всю землю объявить заповедником, а любое крупное строительство, неизбежно связанное с тем или иным воздействием на окружающую среду, вызвать под подозрение. Существует даже теория, полагающая, будто цивилизация с самого начала вообще пошла не по тому пути: вместо того, мвел, чтобы воевать с природой, подчинить ее или иначе себе, своим потребностям, надо было подчиниться ей, слиться с ней и жить по ее законам. У этой мифической теории, которую очень уютно обосновать в современной квартире, залитой электрическим светом, есть один-единственный изъян: она деконструктивна. Будем вмешиваться, будем вторгаться, никогда не денемся. Только делать это надо с каждым разом мудрее и предусмотрительнее, не допуская, чтобы прощали вступе уроки, волнующие на предшествующих этапах.

«Взять» эти «камешки», как вытаскивать их из зоны затопления? Еще в Братске Леонов позанимал меня с обширной перепиской, касающейся судьбы ангарских писателей и других памятников культуры. В их числе обратил на себя внимание документ, подписанный покойным начальником «Братскгэстроя» И. Н. Наймушиным, а в этом документе особенно запомнились слова: «Сознания свою ответственность». Прекрасные слова! И похоже, что нынешнее руководство «Братскгэстроя» следует им. Так что, можно надеяться, произведение древних художников будут спасены от затопления. Только вот что мешает почему-то все так спешить? Это случается, что ли не в последние минуты пути, благодаря чьей-то напористости и энтузиазму и чьей-то личной сознательности? Разве о существовании писателей не было известно? Разве нет на память примера с Братским морем, при затоплении которого ушла под воду значительная часть подобных рисунков на Каменистых островах? Разве нельзя было предусмотреть вывозку уникальных камней (каждый из них признан целесообразным) заранее, ассигновав на это соответствующие средства?

БОРОДИМ по деревне Воробьево. На каменную треть она еще заселена. Но большинство домов и дворов опустело: уехали жители в новые, специально выстроенные поселки, перебрались в деревни, что повывше. Скоро и эти, последние, уедут, все, что можно вывезти, будет вывезено, все, что останется, будет сожжено.

Леонов подбирает резное завершение деревянного наличника. Есть у него замысел: создать под Братском музей истории Ангары человека. Нашли бы там место и древние писанные камни, а переписанные по бревнышку крестьянские избу, и водные мельницы, и, конечно, реликвии наших дней. Идея эта находит поддержку на всех уровнях. У архивистов, ученых, в партийных и советских органах Братска. Не дает свое «добро» только Иркутский облком: в самом Иркутске заглавировано создание музея народного зодчества под открытым небом, а существование двух однотипных музеев в одной области не признается целесообразным. Но, во-первых, так ли они однотипны? И вторых: если уж выбирать

— я высказался бы в пользу Братска. Иркутск и так богат. А Братску, городу молодому, активно посещаемому туристами (отечественными и зарубежными), как раз не хватает какой-то особенной.

И слова по сторонам — корчмачье, с рыжими подпалинами диабазовые скалы. И лес, лес, лес. Чем ближе к Усть-Илимку, тем все-таки, еще до знакомства со всеобщими цифрами и деловыми бумагами, сам собой возникает вопрос: сколько же его уйдет под воду? Я очень хотел бы, чтобы этот мой вопрос воспринимался без лишней патетики, сугубо поделовому: сколько? И где тут граница допустимого? Поэтому что очень легко, я починаю, выдвигать на бумагу максимальные требования, забываю о сложном, реальном подступам. На самом деле все сложнее. Прикиньте, например, во что обойдется каждый кубометр леса, обремененного за затопление, а в ответ тебе предлагают подсчитать, что стоит его разработка и вывозка в таких малообжитых и практически бездорожных местах, как зона будущего водохранилища. И добро еще, если деловая древесина, а если тонокмер, дровяник? Припомните залив Братского моря, до сих пор забытые всплывающие со дна стволы с выдранными из земли корнями (существует специальная служба по их вылавливанию), а тебе скажут, что значительная часть приангарского леса растет на труднодоступных крутых склонах, по-настоящему «крутых», где работать опасно, профсоюз не позволит. Или еще: ежегодный прирост древесины в лесах Иркутской области — шестьдесят миллионов кубометров, а ежегодная добыча и переработка составляет только половину этой цифры. Стоит ли собирать крохи на дне будущих морей?

В свое время проблематика, связанная с затоплением леса, весьма осязательно занимался иркутский писатель Юрий Самсонов. Передо мной копия письма, направленного им в 1971 году в Комитет народного контроля СССР.

Писатель остался без внимания, возможно, и потому, что сигнал был, надо думать, единственный. Зону затопления посетили несколько комиссий, были приняты решения, выработаны меры. Сейчас лесозаготовитель усиленно ведут так называемую «сухую» слятку съезженного, но не вывезенного леса: при затоплении водохранилища он всплывает

предусмотрено по плану, мы должны сделать. Вроде бы сделаем.

Это его подлинное слово. Допустим, что так оно и будет, хотя большой оптимизм не очень является с некоторыми цифрами: за пять месяцев нынешнего года лесорубы освоили, работая в зоне водохранилища, всего тридцать пять процентов отпущенных им ассигнований; из 3265 гектаров лесосводки, оставшихся на этот год, было сдано и вывезено лишь менее четырехсот (данные получены в отделе по подготовке зон водохранилища). Допустим, что эти цифры не характеризуют реальное состояние дел. Допустим, что есть множество участков, которые остаются только сдать или закончить на них небольшой объем работ. Но о каком выполнении, о каком плане идет речь?

Юрий Самсонов бесположил три года назад судьба пяти с половиной миллионов кубометров «закононого» уходящих на дно. Сегодня эта цифра (после всех комиссий и принятых мер) возросла до семи миллионов. В эти семь миллионов, согласно полученному разъяснению, входят все категории нетоварного леса, и составляют они примерно одну треть того, что было.

Итак, надо думать, что благополучно сведены? Между тем, когда я шел над будущим морем, под крылом самолета — по-прежнему о чем-то воевал море, тайги, и следы деятельности человека выглядят на этом фоне весьма скромно.

МОЖЕТ БЫТЬ, поздно уже говорить об этом? До начала затопления остались считан-

На Ангаре

ко экономический ущерб; это еще и дурной нравственный пример, оставляющий горький осадок в душе любого остоителя. Представьте человека — в таких много, — привлеченного в Братск романтической громадной стройки: какое впечатление произведет на него зрелище леса, уходящего под воду? С таким впечатлением нелегко справиться даже во всеоружии хозяйственных аргументов.

Помню, как во время поездки по Красноярскому морю нам показывали местную достопримечательность. Могучая лиственница, уже лишенная хвои, плавает по водохранилищу в вертикальном положении. В корнях ее застряло несколько каменных глыб. Днем и ночью, в любую погоду блуждает по искусственному морю прозрачное «дерево-призрак». Как будто напоминают о чем-то людям. О том, что не все еще сделано для спасения и хозяйственной реализации того леса, который оказывается на будущем дне создаваемых нами морей.

ПОСЛЕДНИЕ несколько десятков километров из Братска в Усть-Илимск. Грандиозная плотина электростанции возникла как-то неожиданно — за поворотом реки. Теперь уже можно с уверенностью сказать: первый ток Усть-Илимской ГЭС будет дан точно в срок. Я отнюдь не мыслю омрачить своими рассуждениями радость этой победы. Для всякого, кто бывал в Братске, кто разговаривал со здешними людьми об их жизни, о планах на будущее, несомненно, истинная благодать, которую играли и играют для этого края великие сибирские стройки. Но недаром выражение «урюки Братска» вошло в обиход. В чем-то эти уроки ученым при сооружении Усть-Илимской, в чем-то остались еще «про запас». Сейчас к ним прибавятся — и это естественно — «урюки Усть-Илимки». Судьба нескольких миллионов кубометров леса — казалась бы очень разные и разномастные вещи, но мне думается, я был вправе соединить их в одном рассказе...

Иркутск — Братск — Усть-Илим — Новосибирск

ДЫМЧАТО-ЗЕЛЕНЕЕ воле с тугоими коцками. Боюсь вздремнуть пыльная ботва моркови. Глянцевитые упругие листья свеклы. Радуют глаза овощные плантации на торфяниках, хороший урожай. Казалось бы, успех нависло. Но... Увы, врывается известия «но».

Анализ показывает, что выращенная на торфяниках капуста лишена или почти лишена некоторых аминокислот. А в густо подкормленной фосфорно-калийными удобрениями моркови в 3—5 раз повышается содержание калия. Оказалось, что в овощах с торфяников не хватает марганца, меди и других важных для человека микроэлементов. Продукты приобрели какое-то иное качество.

Как оценить его? В науке еще не хватает полновесных данных для таких оценок, но замечает, например, что если давать скоту исключительно корм, выращенный на торфяниках, то это может привести к серьезности животных, к болезням.

Можно ли считать овощи с торфяников, так хорошо внешне развившиеся, продуктами вполне доброкачественными или нет? И что такое вообще понятие «качество»?

В науке сегодня нет еще тропинки, перед которой бы стоял столбик с надписью «качественный состав продукции». Правда, на эту тему публикуются десятки статей. Однако в научных оценках существует изрядный разнобой. В одних научных трудах качественный состав представляется только как набор показателей:

увеличение производства удобрений выдвигают и новые гигиенические требования. Богатство рождает свои проблемы. И чем богаче мы становимся, тем осматривательнее следует быть.

Кто-то заподозрит: не выступает ли автор против применения удобрений? Нет, в моем случае. Применение минеральных удобрений, то есть возврат в почву

увеличение производства удобрений выдвигают и новые гигиенические требования. Богатство рождает свои проблемы. И чем богаче мы становимся, тем осматривательнее следует быть.

Кто-то заподозрит: не выступает ли автор против применения удобрений? Нет, в моем случае. Применение минеральных удобрений, то есть возврат в почву

увеличение производства удобрений выдвигают и новые гигиенические требования. Богатство рождает свои проблемы. И чем богаче мы становимся, тем осматривательнее следует быть.

Кто-то заподозрит: не выступает ли автор против применения удобрений? Нет, в моем случае. Применение минеральных удобрений, то есть возврат в почву

увеличение производства удобрений выдвигают и новые гигиенические требования. Богатство рождает свои проблемы. И чем богаче мы становимся, тем осматривательнее следует быть.

Кто-то заподозрит: не выступает ли автор против применения удобрений? Нет, в моем случае. Применение минеральных удобрений, то есть возврат в почву

увеличение производства удобрений выдвигают и новые гигиенические требования. Богатство рождает свои проблемы. И чем богаче мы становимся, тем осматривательнее следует быть.

Кто-то заподозрит: не выступает ли автор против применения удобрений? Нет, в моем случае. Применение минеральных удобрений, то есть возврат в почву

увеличение производства удобрений выдвигают и новые гигиенические требования. Богатство рождает свои проблемы. И чем богаче мы становимся, тем осматривательнее следует быть.

Кто-то заподозрит: не выступает ли автор против применения удобрений? Нет, в моем случае. Применение минеральных удобрений, то есть возврат в почву

ВОЗДРАВЬТЕ КАПУСТЫ

Нет! Больше еще не значит лучше! В питании человека главными являются соответствующие питательные элементы, а не общие их количество. Медицина говорит, что многие заболевания могут быть вызваны нарушением соотношения элементов в организме, что зачастую связано с питанием.

Странное возникает положение. Диетологи составляют специальные диеты, пользуются таблицами химического состава пищевых продуктов. Однако при этом совершенно не учитываются изменения в составе и соотношении питательных компонентов, которые вносят применение химических веществ при выращивании этих продуктов.

ОТВЕТ

«ЗАТМЕНИЕ»

Судебный очерк Арнальда Васильева «Затмение» (ЛГ, № 4, 1974) вызвал много...

«Вопросу верующих Ярославской области...»

«После длительного пребывания в Голландии...»

«Недостатки в организации борьбы с хулиганством в г. Ростове...»

«В конце прошлого года (ЛГ, № 47, 1973) был опубликован очерк А. Розанова «Яблоко от яблони...»

«ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ...»

«В конце прошлого года (ЛГ, № 47, 1973) был опубликован очерк А. Розанова «Яблоко от яблони...»

ПЕРРОН был похож на клубку, и в толпе людей с целыми охапками роз и георгинов...

«Почему же ты так плакал? — утешался я. — Понимаешь ли, с обаятельными розами...»

«Ну, — разорвался он, — ты — литератор, поэтому поговори для ясности о чувствах...»

«А! — трахнул он головой. — Сидит во мне что-то...»

«БЕЗ ОБНАЖЕННЫХ ЭМОЦИЙ вы обойтись не могли...»

«У консультанта было четкое и бесстрастное лицо римлянина эпохи императора Тиберия...»

«Раньше у меня было «беззвучно зарыдал», — оправдывался я...»

«Консультант задумался. И по мере того, как он медленно отрывал карандаш от рукописи...»

«Будущий историк культуры, вероятно, отметит одну безынтенсивную особенность...

«Мне... — догорал... — стало...»

«Послушайте! — начал я ему объяснять...»

«Консультант терпеливо выслушал то, о чем он не раз уже читал с карандашом в руках...»

«Герасим и Муму злоки НТР. — Потом повторил: «Он отвернулся, чтобы не видеть его лица...»

«А я люблю человеческое лицо в минуту потрясения сильным чувством...»

«Я люблю его в жизни. Когда он живет заодно с сердцем. Когда оно — живое зеркало души...»

«Послушайте! — воскликнул я. — Ведь он же, Иван, — рядовой человек...»

«Консультант задумался. И по мере того, как он медленно отрывал карандаш от рукописи...»

«Будущий историк культуры, вероятно, отметит одну безынтенсивную особенность...

«В одном из рассказов дуэлянта...»

«Теперь обратимся к литературе...»

«Этот стеноз, болезнь молодых женщин. При обыч-

ной сердечной недостаточности доживают до старости...»

«Нет, это у героя умерла жена, и он, вернувшись оттуда...»

«Мне осталось назвать героев, о которых шла речь...»

«Об этих пьесах писало немало и неизменным одобрением...»

«Он имеет при этом в виду не любовь к женщине...»

«Несмотря на расхождение во мнениях, читатели, пришедшие письма в редакцию...»

«Можно было бы, конечно, в этом месте подвергнуть героя критике...»

«При всем при этом я хочу думать, что герой — человек абсолютно бездушный...»

«А вот еще один герой — он понимает, что любимая женщина уходит...»

«Сгибамые, четкие и жесткие. И это весьма отрадно, ибо «электронно-вычислительной техникой...»

«Самое же существенное, если отвлечься от подробностей...»

«Если бы рационалисты были последовательны...»

«Конечно, любая эпоха в зависимости от общественных идеалов...»

«В юном возрасте дружба играет особенно важную роль...»

«Сын Анны Николаевны совершил преступление не в одиночку...»

«Вушиных лиц, да и самого автора...»

«СООТНОШЕНИЕ ума и сердца, рационального и эмоционального...»

«Сегодня мы все чаще задумываемся об искусстве (или науке?) этого удивительного равновесия...»

«Сочетание ума и сердца, рационального и эмоционального в человеке...»

«Если бы рационалисты были последовательны...»

«Конечно, любая эпоха в зависимости от общественных идеалов...»

«В юном возрасте дружба играет особенно важную роль...»

«Сын Анны Николаевны совершил преступление не в одиночку...»

«Средство разрешения конфликта подобного рода...»

««высший ранг» тем или иным качеством...»

«СООТНОШЕНИЕ ума и сердца, рационального и эмоционального...»

«Сегодня мы все чаще задумываемся об искусстве (или науке?) этого удивительного равновесия...»

«Сочетание ума и сердца, рационального и эмоционального в человеке...»

«Если бы рационалисты были последовательны...»

«Конечно, любая эпоха в зависимости от общественных идеалов...»

«В юном возрасте дружба играет особенно важную роль...»

«Сын Анны Николаевны совершил преступление не в одиночку...»

«Средство разрешения конфликта подобного рода...»

ЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...

Евгений БОГАТ ОБ ИСКРЕННОСТИ И БОГАТСТВЕ НАШИХ ЧУВСТВ

«ЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...»

Белые ночи

Фото В. ВОГДАНОВА

**ЛЮДИ И ВЕЩИ:
ИНОЙ ПОВОРОТ ТЕМЫ**

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «АТ»

В КЛАДОВКУ лучше не заглядывать. Бог знает, когда все это накопилось — сношенные ботинки, бабушкино хресло, игрушки, трахаловский велосипед времен дождливого детства, китель, в котором пришел домой из госпиталя... Давно надо бы выбросить, а рука не поднимается.

Веками воспитывался прочный психологический настрой: вещь для человека, она а у служит. С ней тепло, уютно, спокойно. Без вещей ты — голый, одинокий, бедный. По одежке встречают. Вещь — достаток, солидность, надежность.

За обладание материальными благами боролись. Да и сегодня влезает в долги, чтобы приобрести мебельный гарнитур или автомобиль. Вещь осязаема и нравственно традиционна — в нее вложен труд человеческий. Выбросить голую вещь — грех, фанфаронство...

Не вот все более ясно обнаруживается другая сторона вопроса — то, о чем люди 20-х годов говорили: «Вещи тянут к себе в нору». Да они порабощают наши души, призывают нас к себе, становятся частью нашего внутреннего мира, и нередко сами духовное «я» вступают в сложный и не всегда приятельский диалог с нашим предметным, вещным окружением.

Так что вещи, конечно, не демоны, но нечто «демоническое» в их влиянии на человека все же есть. Тут нигде не деваться, как не выйдешь на улицу голым.

«Человек, лишенный материи, жалок...» — писали И. Ильф и Е. Петров. — Матрица немыслима. Он требует жертвоприношений... Ему нужны этакерка. Ему нужен стол не тупая тумба. Лязгая пружинка, он требует занавески, портвейн и музотной посуды. Он толкает человека и говорит ему:

— Мне стыдно за тебя, человек, у тебя до сих пор нет ковра!

И мы записываемся в очередь за коврами и машинками...

Векими мы окружали себя вещами. Кант называл их «второй природой». Количество вещей неудержимо растет. Больше того — оно не может не расти.

По подсчетам американцев, мы сейчас окружены до 80 процентов такими предметами, которых не знали люди прошлого века. Посмотрите, что у вас в кармане: газовая зажигалка, шариковая авторучка, сигареты с фильтром из стальной проволоки, пропуск в уличной библиотеке на троллейбус или автобус, портмоне, приемное устройство, записная книжка с номерами телефонов. От прошлого века остались лишь грабли и носовая платок...

Требовать сейчас отказа от вещей так же бесперспективно, как призывать разрушать фабрики и возвращать к жизни в пещерах... Но сама действительная природа вещей подталкивает к раздумью. Необходимо очистить предметы от многих внешних ценностей, одухотворив их. Сделать так, чтобы вещь, оставаясь как службой и помощником, перестала быть показателем собственности или богатства. В этом случае проблема высвободит нас от какой-то мара быть решена и с помощью самих вещей — через совершенно иной подход к их созданию и производству.

Конечно, всегда главное и последнее слово остается за человеком. Соль вопроса — социальная позиция потребителя. И все же нам нелишне иметь, существует ли как-нибудь структура системы

внутри безграничного разнообразия предметов.

Принята деление вещей носит туго товарищеский характер и подчинено административно-производственно-торговым целям.

Но ведь можно исходить и из других критериев: функции вещей в процессе их деятельности. Вольфем, например, приговаривая пиши. Всперши, нулеи, врон и, вострыи, — каеабо эмюсть. Так нацупуляюие значаельна. «Базовые предметы или даже сооружения: печь — очаг — кетел.

Далее эти базовые предметы начинают специализироваться по функциям, назначению, конструкции: печь, плита, камин... Котел, кастрюля, котелник, горшок, сковорода... Создается своего рода «градус» принципиально однородный, но функционально дифференцированных вещей.

Далее возникают вещи, дающие возможность осуществ-

трудный путь. Есть еще одна возможность — «исчезающие» вещи, вещи-однодневки. Это посуда, мебель, сумки, платья, рубашки, игрушки, туристское оборудование и многое другое из картона, бумаги и дешавых пластиком. Потребление подобных предметов в Англии с 1965 по 1970 год выросло на 75 процентов. Вещей-однодневок розового пользования в Англии будет выпускаться к 1975 году на 132 миллиона фунтов стерлингов. Поскольку стоимость их чрезвычайно низка, это говорит о миллиардных потоках «исчезающих» вещей. В Швеции уже сейчас при уходе за детьми используются бумажные, а не матерчатые пеленки достигло 60 процентов. Но многие международные авиалинии к завтрашнему ввозу в и наземных кафе подают одноразовые пластмассовые вилки, ложки, стаканы, ножички-палочки... Нескольк лет назад из одной европейской страны были получены дамские костюмы «джерси». Из было не

три часа босиком, в «срочном» ремонте и на мажора баскетбольном ремонт «обычный». Эта система воспитывает совершенно иное — спокойное отношение к вещам. У нас вырабатывается иной стиль жизни, иные ценностные ориентации. Появляются даже выражения «культура выбрасывания» и «культура «линка» (линкс — мягкие бумажные салфетки). Так меняется отношение к природе вещей, они становятся «недорогими» — раз и временно — два. Им никогда и не задумываться в нас, да и нам не надо приспособляться к ним, поскольку мы пользуемся, а не обладаем ими.

Любопытно, что люди, зота и во вполне осознанно, сами стали вносить в свою жизнь некоторые ограничивающие начало. Недавно моя дочь подарила однокласснику брату в день его 16-летия свою, причем на новую, кофточку на шуровка. Для моего поколения — факт неслыханный: чтобы мне или кому-либо из моих одноклассников в предвоенные годы подарили кофточку, да еще «качественную»!

Тапер же это как-то стодит... Стало быть, произошел колоссальный сдвиг в отношении к вещам. Теряют свою прежнюю привлекательность и очарование, «с» иголочки, вещи. Конечно, здесь сказывается сложнейшая социальная, демографическая и социальная — психологическая процесси. Но не последним местом в них занимает и стигматический протест против растущего обилия вещей. Их приравнение, превращение — новых и старых, мужских и женских — в единую человеческую вещь, а вещь вообще к-то ограничивает, зота и слабо, безудержный рост количества предметов. Однако стихия в этом процессе менее всего желательна. Желательна ее целенаправленность, а как ее достигнуть!

Ясно, что с первым уже существующими вещами трудно совладеть — что есть, то есть. Но ведь без конца возникают какие-то новые предметы. И среди них бываюи воистину новые и необычные. Не надо делиться на свои зоны, а обратиться к своим знаниям, интуиции, предприняти легкой промышленности и в рабочем моменте торговля с вопросом: не могли ли они назвать несколько новых бытовых вещей (принципиально новых), которые были сконструированы за последние десять лет в нашей стране! Никто не смог мне назвать ничего определенно-

Еще и еще раз повторю: вещей нам больше будет становиться все больше, и наша задача — внести какое-то регулирование в этот процесс. Нечего ждать милостей от вещей... Наша задача — управлять нами, дабы они не управляли нами...

Еще и еще раз повторю: вещей нам больше будет становиться все больше, и наша задача — внести какое-то регулирование в этот процесс. Нечего ждать милостей от вещей... Наша задача — управлять нами, дабы они не управляли нами...

Еще и еще раз повторю: вещей нам больше будет становиться все больше, и наша задача — внести какое-то регулирование в этот процесс. Нечего ждать милостей от вещей... Наша задача — управлять нами, дабы они не управляли нами...

Еще и еще раз повторю: вещей нам больше будет становиться все больше, и наша задача — внести какое-то регулирование в этот процесс. Нечего ждать милостей от вещей... Наша задача — управлять нами, дабы они не управляли нами...

Еще и еще раз повторю: вещей нам больше будет становиться все больше, и наша задача — внести какое-то регулирование в этот процесс. Нечего ждать милостей от вещей... Наша задача — управлять нами, дабы они не управляли нами...

Еще и еще раз повторю: вещей нам больше будет становиться все больше, и наша задача — внести какое-то регулирование в этот процесс. Нечего ждать милостей от вещей... Наша задача — управлять нами, дабы они не управляли нами...

Минималистический интерьер — вещи для души

Фото С. ЛИДОВА («Советский Союз»)

ленно растают труд работников Земли, делая его сизифовым, бездумно обирают Землю?

Получается, что для одного только — для импорта. Да, это очень нехорошо — не носить нигде использованные, стелляющиеся банки. Это очень неудобно — швырять пластмассовую бутылку с борта трансатлантического лайнера. Не забывать о том, что в Атлантике уже плавает 20 миллионов таких бутылок и их не может раство-

сегодняшнее, будет соответствовать содержанию и динамичности процессов урбанизированного общества».

По этому поводу. Уже говорят на архитектурный облик города в целом — я нигде в виду проекты дилых яшек, свободно навешиваемых на несущий каркас, с коим они так же легко в любое время могут быть сняты. Вчера человек, идя по улице, видел квартал «нормальных» домов, а сегодня на атом же

во всех своих элементах — и уменьшающимся по возможности скорей. Это приближительно то же самое, как если бы человек всю жизнь куда-то ехал, а за окном все время мелькали новые для него станции, города, реки.

Учтем еще и перемены самого лица Земли — новые гигантские водохранилища, каналы, новые леса и новые пустыни. Не забудем также о постоянном появлении — неизбежном с развитием техники — совершенно новых предметов.

В мире, организованном таким образом, постоянным можно ощущать только новое «я». Все, что «не я», млеет, отстает, плывет — нет, несется куда-то, в все шибче. Но долго ли в такой ситуации можно сохранять твердое ощущение своего «я»?

А. ЧУДАКОВ

О том, что человек больше и больше порабощается вещами, говорят все охотнее и возбужденнее. Предлагаются разнообразные варианты: одни предметы соединить с другими, иные дематериализовать вообще, проще говоря, деть их куда-нибудь.

Отречься от вещей легко и лаячииво. Позиция эта благородна и некорытна («мне ничего не надо»), ну, конечно, прогрессивна («заменим донаучное «научное»).

Но прежде чем отречься, так сказать, из праха, стоит хорошо подумать.

Какие убьют! А, какие убьют! И почему человек может жить так, чтобы не было этих потерь и убьют? Спрашивается, зачем срубил березку и сосновый бор? Какие страшные убьют!

А. ЧУДАКОВ «Сиринга Ротшильда»

Подождем, говорить о «культуре выбрасывания» вещей еще годик. Поговорим сперва о вещах, становящихся негодными и неупотребляемыми сразу после использования и как бы с самого начала торпящихся на свалку.

По функциям все рукоятные предметы окружающего мира можно разделить на два класса: вещи для человека и вещи для других людей. К первым относятся одежда, мебель, жилье. Ко вторым — все роды упаковки и посуды, то есть вещи второго ранга, служебные.

Человек прошлых эпох, поборода на лоне природы, свои бурдюк, горшок, погребец уводил обратно. Наш современник бросает целлофановый мешок, консервную банку, пластмассовую коробку на этот же дождливый тротуар. В первом отряхивается упаковка и сосиски в мусорной ведерке. Раньше упаковка, тара служила много раз. Теперь она используется единожды, и все более к этому стремится.

Первое, нечетвертое и уже сейчас видимое следствие этого — захлестывание мусором мест наибольшего людского обитания. В США, по данным самих американцев, ежегодно производится почти три миллиона тонн мусора весом 20 миллионов тонн, на свалки выбрасывается в год 48 миллиардов консервных банок, 4 миллиона тонн пластмасс, 30 миллионов тонн бумажных отходов.

Часть брошенных оболочек может использоваться снова как сырье и превращаться опять в упаковку, возвращаясь в оборот. Но тонны отходов ни при какой технологии не дают тонну новой продукции (следует помнить к тому же, что в общей массе мусора процент перерабатываемых полистирольных отходов новое сырье).

Для того чтобы сделать новую упаковку взамен выкинутой, нужно срубить лишнее дерево, влить из озера стей пресной воды, сжечь стей чернозема для удобрения рудного пласта. Потом — провозить тара и раз ее использовать, бросить. И снова срубить дерево, разорвать для сырья еше гектар почвы — и так брате и брате у природы без конца, вернее, до тех пор, когда взять уже будет нечего.

Традиционная стеклянная банка или бутылка, обслуживающая человека много раз и не требующая бесконечных (и неотдаваемых) займов у природы, более «природолюбива». Одновременно же упаковка по своей сути антиприродна.

Но отчего же люди продолжают так смерно? Замусоривают Землю, бессмыс-

реть и поглотить бесчисленные океаны.

Можно поехать: нам угрожают какие-то пластмассовые бутылки! Но смеяться не стоит. Слишком много было примеров, как то, что поперло из-под колеса, через 100 — 200 лет сказывалось на природе и людях так, что не раз недобрым словом был проклянут потом пращур, завезший или изобретший эту вещь.

Куда, куда идти теперь? Уже новый быт стучится в дверь! И. ЗАВОЛОНКИН

Идея одорозового использования — последнее десятилетие охватила не только служебные вещи, но и «вещи для человека», относительно постоянные, являющиеся в течение всей жизни.

Наш век уже зашел в большое свое достижение сорочки из бумаги, картонные стаканы и тарелки, пластмассовые ложки и ножи, кастрюли из фольги, надувные бумажные стулья. Многие полагают, что если раньше одной жизнью пользовались три-четыре поколения, в теперь она находится в руках пассажира самолета десять минут, после чего ее выкидывают, то это освобождает человека от «власти вещей».

Освобождает ли это еще вопрос и к нему мы вернемся. Важнее другое — какой ценой.

Не будем повторять, что тарелка, служившая десятилетия у природы, а для провоза почти тысяч картонных, способных за это время выполнить ту же функцию, нужно снести не один гектар леса. Проблема не только в этом. Она шире и глубже, она затрагивает личность и судьбу каждого из живущих ныне людей.

С миром «вещей для себя» человек связан иначе, чем с миром предметов служебных. Гораздо теснее он связан с ними эмоционально — они ему нравятся и не нравятся. Он создает и осознает их не только как утилитарную, но и как эстетическую ценность. Он связан с ними психологически.

Раньше этот мир был вполне устойчив. Человека окружали вещи, доставляющие от предыдущего поколения, а новые попадали на старье. Форма глиняного горшка практически не изменялась тысячелетиями. Даже мебель, несмотря на все смены стилей, внешне менялась не так уж существенно.

Каждый день — новая посуда, новая рубашка; мебель — подвесная, трансформирующаяся, сборно-разборная, гидравлическая, мебель надувная, которая сегодня «подлеет», завтра «ухудеет»; надувная же ползучая перерождается — интерьер, где нет ни одной стационарной плоскости. Именно такое «пульсирующее» пространство и время — жилище, стирое один из его теоретиков А. Рабушин, «в значительно большей степени, чем

**НЕУЖЕ ЛИ
НЕУЖЕ ЛИ
ВЕЩИ?**

Человек смотрит на часы, где вместо арабских или римских цифр — пальчики или вообще пустые места. Конечно, в конце кощов он догадается, который час. В следующий раз он определит это еще скорее, и т. д. Но что совет, сколько психической энергии ушло на преодоление его бессмысленного новшества? Почему человек принужден выбирать доску для резки овощей из всеманящих разных образцов? Зачем он должен «осваивать» за каждым обедом новый картонный сервиз и обмывать каждые три дня новую обувь? А что сосчитает мучения тех миллионов людей прекальных лет, которые не могут приспособиться к такой разовой тонне вещей и в которых она поселяет лишь чувство неуверенности? Человек, как известно, может привыкнуть ко всему. Но не так обидно, когда в том есть необходимость. А если особой нет, до чего стало ли бы высокободит психическую энергию для чего-то более срочного?

Человек живет в мире вещей. Они могут подавлять человека — это хорошо показал Гоголь. Человек может временно поспирить над ними в высоте духа — это показал Достоевский. Но человек никогда целиком не будет свободен от них.

В медленно меняющемся мире, мире «неодорозовых» вещей человек, отмеченный в своем сознании наличием новой вещи, затем достаточно долго может «стыдиться». В современном же мире, и особенно в том, который нам пророчат эти периоды нервного отчаяния значительно короче. Причем здесь почти не важно, положительную или отрицательную эмоцию вызывает новый предмет — нервная сила расходуется все равно.

Кажется, мы можем выбирать: быстро и сильно менять окружающий пространственно-предметный мир — или не очень. На самом деле свободы выбора у человека здесь нет. Он скван своей биологической природой, не запрограммированной на такой темп. В дороге человек может провести месяц, год. Но он не вытерпит ехать всю жизнь, глядя в окно вагона на принудительно новые пейзажи.

Привыкнув к вещи, человек «не замечает» ее, ходит и пользуется ею. Автоматично воспринимает — великий охранительный механизм рсикни. Ег нельзя безнаказанно нарушать.

Наблюдаясь на Западе в самое последнее время взрыв вещей «ностальгия», интереса к предметам быта 40—50-летней давности (причем не представляющих никакой эстетической ценности) — несомненное свидетельство тоски по устойчивой вещи прошлого. Очень тревожный симптом.

Наша задача — управлять вещами, чтобы они не подавляли нас. Духовное «я», говорит Н. Воронов, и в этом он совершенно прав. Но полный разрыв человека с исторически сложившимся вещным миром — это лишь иллюзия его освобождения от власти вещей. Только осмысленная постепенность и неторопливость предметности могут обеспечить духовное «я» и психическое здоровье человека в этом слишком скоро меняющемся мире.

Никита ВОРОНОВ

**КАК ИСЧЕЗЛИ
КАМИННЫЕ
ЩИПЦЫ**

Такой процесс с элементами повышенного комфорта и даже эстетического отношения, «каминный экран» означает завершенное украшение для каминной доски. Кроме обычной доски и зеркала, каминной доски и ножа, делается выкладка, а именно: на изразце, в парадном камине в тельяку. Однако базовая цель остается та же: для каминного, например, обогрева помещения. И поэтому, как только издается технический способ достижения той же цели, так все базовые «градус» вместе с многими сопутствующими предметами второго (утилитарного) и третьего (комфортно-эстетического) порядка становится ненужной.

Так шариковая ручка с пастой заменила старое перо, вставочку, чернильницу, промокательный батеряе центрального отопления пришла на смену печи, кофее, вадеку, каминным щипцам...

Точно так же при рациональном планировании вещей и издумном из конструирования мы могли бы, например, пользоваться дома одним первичным моторчиком, который соответственно полагался бы к пылесосу, поперу, швейной машине, мисорубке и пр. Некоторые предметы можно сконструировать так, чтобы они служили и в автомобиле, и дома. Ведь само по себе существование специальных автомобильных щипцов совсем не подобно; почему, скажите, должны быть такие щипцы!

Далее. Таповая панель — стена с запрессованной в ней арматурой отопления — а ведь заменяет все прочие теплообменные приспособления: печи, батареи, камин... Это принципиально важно, ибо функция выполняется здесь уже как бы «чистотой», без всякого андимоного внешнего воплощения. В идеале, если мы будем иметь дело только с функциями и процессами, наша жизнь станет значительно удобнее, просторнее, а все наши бытовые обязанности — гораздо менее обременительными.

Но это зота и наиболее благоприятный, но и наиболее

так уж много, и разойдется он в основном в самой системе торговли, ибо, как говорил мой любимый учитель, «правды» тоже люди. Но примерно через год костюмы эти, как по команде, вдруг умиско обрелись, и просто начали расплываться. Соответственно торговлю представляющую иностранной фирмы был завален протест. Не что был ответ: костюмы были рассчитаны на один год. И действительно, в соответствии документально было оговорено и напечатано — «один год носки», и даже термин особый стоял — «оболесценция». Но кто-то яоплялся не обратил внимания на эту оболесценцию и попал это как гарантийный срок.

Оболесценция — заранее запланированная смерть товара. Орудие поддержания активности капиталистического рынка. Сиритас форма эксплуатации и выкачивания средств у трудящихся. Все это верно. Однако есть определенный смысл выпустить одежду и обувь несколько менее прочными, но зато более модными и более дешавыми, чем это делается нынче... Даже у мужчин, чья мода более инертна, за последние 10 лет размениваются ширине и покор броек. Зачем же закладывать в мужской костюм прочность на два пятилетия! Зачем открывать ателье по штопке и перешивке? Не лучше ли, чтобы в просте жакет: этот костюм я могу проносить два года, а дальше он все равно развалится, считать его бесполезной! Но для этого он сегодня должен иметь соответствующую цену. Кроме того, а, как покупатель, должен быть хорошо информирован о сроке его службы.

Еще один путь сокращения количества вещей — прокат и обмен. Прокат развивается довольно плохо, и причины этого — особый разговор. Но вот достаточно успешно идет обмен часом. Налаживается обмен телевизоров. Испортилась вещь — сдай, дополни и получи новую или исправную. Промисгод ботинки, сдел их и взял другие, уплати разницу, выбрав сабу по размеру, моде и удобству, не сядя

читательная аннуляция сделки, при которых интересы одного из партнеров оказываются ущемленными. Обидно употребляет по отношению к бракосочетанию слово «сделка», но именно дела обмениваются людьми. Обмен не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

Рассчитать и свести к процентам количество тех, кто использует брак в корыстных целях, практически невозможно. Хотя косвенные данные все-таки есть — велико еще количество браков, каждый год по иску одного из супругов признаваемых в судах недействительными. Это уже не равнозначит женков с невестами и на разводу мужей с женами, а как бы саморазобла-

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

Рассчитать и свести к процентам количество тех, кто использует брак в корыстных целях, практически невозможно. Хотя косвенные данные все-таки есть — велико еще количество браков, каждый год по иску одного из супругов признаваемых в судах недействительными. Это уже не равнозначит женков с невестами и на разводу мужей с женами, а как бы саморазобла-

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

Рассчитать и свести к процентам количество тех, кто использует брак в корыстных целях, практически невозможно. Хотя косвенные данные все-таки есть — велико еще количество браков, каждый год по иску одного из супругов признаваемых в судах недействительными. Это уже не равнозначит женков с невестами и на разводу мужей с женами, а как бы саморазобла-

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

Рассчитать и свести к процентам количество тех, кто использует брак в корыстных целях, практически невозможно. Хотя косвенные данные все-таки есть — велико еще количество браков, каждый год по иску одного из супругов признаваемых в судах недействительными. Это уже не равнозначит женков с невестами и на разводу мужей с женами, а как бы саморазобла-

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

е довольно молодой, красивой и энергичной женщиной, проживающей в другом городе. Невеста даже помислав нам справку на бланке для рецептов о четырехнедельной беременности. Скорей Скорей Женя был убежден, что невеста не только страстно любит его, но и готова самоотверженно ухаживать за ним. Этот пар — три месяца предельный срок — три месяца предельная уваженность, потом опять приезжала и предоставляла нам новые справки о новой беременности. Брак в конце концов был зарегистрирован. Спустя полгода муж вовбудил дело о признании брака недействительным, поскольку вопрос о супружеской работе, внимании блу предан молодой женой вволюно в тот же миг, как вволюно у нас наших по-

вобрачными даври вага. Надо признать, что в столичных городах истинная статистика брака в какой-то степени искажается из-за степенительных сделок, подобных той, о какой мы только что рассказывали. Чтобы положить этому конец, можно было бы проголосовать за удлинение помолвки. Но что бы это стоило? Разве меньшим бы стал приток «деловых» и даже «сверделовых» людей в большие города? И как быть жителям маленьких городов и сел, где в большинстве случаев брак не принимается урбано-спекулятивным фород? Закон не создается отдельно для городов или деревни — вагон обременен для всех! Удлинив сроки помолвки, мы лишь поставим под удар настоящих, любящих жени-

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

гов и невест. Но о любящих Н. Соколов не говорит ни слова. В общем, разумным его предложение можно считать, лишь имея в виду борьбу с ложными людьми, а не с теми, кто не совсем прав. Конечно, хорошо бы видеть в числе «невынужденных» всех делцов от брака, но ведь никто не раз бывает «вынужденным»!

К 600-летию со дня смерти ПЕТРАРКИ «ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Исполнилось 600 лет со дня рождения и 600 лет со дня смерти Франческо Петрарки. По решению Всемирного Совета Мира все прогрессивное человечество чувствует великого итальянского поэта и гуманиста.

Надгробный камень в золотой фонд мировой культуры. Родинамалыки гуманизма Возрождения, поэт, чья лирика оказала огромное влияние на европейскую поэзию, Петрарка по праву заслужил титул «первого человека нового времени».

Теориями Петрарки перенимали веки, но интерес к ним и личности не генералов автора не ослабевает.

Юбилей Петрарки широко отмечается в Советском Союзе. И в этот день издается специальная литература, выпускаются новые издания его произведений. Журнал «Новый мир» публикует обзорную статью о великом итальянском поэте и гуманисте.

Сегодня мы печатаем новые переводы стихотворений Петрарки, выполненные поэтом Евгением Соловьевым.

Фр. ПЕТРАРКА

Видишь на маршпаях переправу
Мне в этот дождливый день средь Арденн
Амур, что, омылся взятый в плен,
Вздыхает сердца в небесную дурману.

Вздыхает сердца в небесную дурману,
Вздыхает сердца в небесную дурману,
Вздыхает сердца в небесную дурману,
Вздыхает сердца в небесную дурману.

И в памяти об уходящем дне
В груди тревога поздняя родится,
Однако риск оправдан был вполне:

Край, где милая прелесть струится,
Покою сердца наполняют мне,
Зовущее маня меторопится.

Но столь морским существам войны
Населены и небеса над луною,
Но столь усней звездами ночью,
Но столь обильны птичьими дубровы
И травяни — маями нам берег,
Сколько ты сардисо — думай под вечер.

Мне аса молчанья мой последний вечер,
Что уживкой Земли отнимет волны

И сон дарует мне и твой берег:
Мне в неспешной не был луною,
Чей а, — Тому свидетелем дубровы,
В метерях в буждане дном и ночью.

В отдале на бумо долгой ночью,
Вадиме — утро на дворе ми вечер,
Амуром превращен в милья дубровы,
Пойкой наду, тогда исконит волны,
И солнце поменяется с луною
Лунам, и узнает ваший берег.

Рондает боль живую каждый берег,
В дном броду а раздумья, плачу ночью,
Не превращен превратною луною,
Едва заре погаснет, что ни вечер
Вздыхает грудь, из глаз струится волны,
Которым смать под слаз и дубровы.

Враждебны города, но не дубровы
Для дум, примет которых — злот берет
Высокий, где живые льются волны,
Когда в плачу безмятежной ночью,
И в на день не поменяю вечер,
Но предпучу деннику пред луною.

Вламен пастух, что был любим Луною!
Мне спать бы радом с ним а тени

И та, кто близит мой последний вечер,
С Амуром и Луной на злот берет
Хоть до рассвета пусть пришла бы ночью,
А солнце бы навек скрыли волны.

Ты завтра уришь волны под луною,
Родившаясь ночью лесу дубровы,
Ступи на берег дорогой под вечер.

С тах пор нах ангаа мой великой боли,
Вшараванно уда, как оброк,
Я нигого на, жду от новых строк,
Помидм облететья горькой доан.

Печаль и словам приидит — мудроно ли
Твоа дасища, Смрты! А ты, могилла,
Счастливый страж прекрасного чала,

Почто меня, несчастного, забыла,
Которому занцы застит мгла,
Затам, что занкисло из светлю!

Все как мир превратит! Мне сегодня мило
Как, что назалось воплощенно злм,
Я вижу — боль во благо мне пошла,
И а царство мпра путь война отпрлыла.

О тшестно маждм! О бесплодност
О сколь быль а расплата тшмла,
Когда бы счастье мне апустила дала
Ты, чей примет — и небо, и могилла!

Но бог любви — мой поведьрй спелой —
И ум глухой влекли меня в тулкн,
Где угромала гибель неизбежна.

Благословенна та, кто а трудный мнг,
На лучший берег указал ручьом,
Мой низкий пламем обуздала нежно,
Перед с итальянскоу Евгеним Соловьеву

БРОДВЕЙ в царстве массовой культуры США занимает особое место. Даже выдавшие виды американские журналисты всегда в состоянии похвалить Бродвей, чтобы охарактеризовать падение нравов на Бродвее. В газете «Нью-Йорк таймс» 10 апреля 1974 года была опубликована статья Фрэнки Борна, журналиста из штата Делавэр, под названием «Чужбы» полагает на Таймс-сквер, поверните налево у Содома». Таймс-сквер, Бродвей, Сорок вторая улица на без оснований стали для многих американцев воплощением всех современных пороков. Развитие порнобизнеса сделало этот район — знаменитое некогда средоточие театрального искусства — центром совершенно иного рода.

Правда, в последнее время в американской печати появились сообщения о том, что Бродвейские бизнесмены составляют планы реконструкции узаконенных заведений. Газета «Ивинг трибюн», издающаяся в Сан-Диего (Калифорния), писала, что группа бродвейских деловых во главе с Робертом У. Уоттом, президентом «Бродвей ассоциация», выдвинула проект замены порнографических предприятий игорными заведениями. Не следует думать, однако, что деловые аморальности поднялись — просто игорные дома кажутся им более выгодными источниками прибыли. Пока что городские власти не приняли закона о легализации игорных домов и порнобизнес по-прежнему процветает.

Что же касается кино и театральной жизни на Бродвее, то ситуация здесь не однозначна. Наряду с продолжающимся процессом коммерциализации кино, театра, писательского дела и литературы появляются новые, здоровые тенденции, связанные с развитием демократических традиций. Сказываются на культурной жизни и улучшениях в социально-экономических отношениях — чаще ставятся пьесы русских авторов, очевидно интерес деятелей культуры к советскому искусству и литературе.

«ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»: КИНО И КОММЕРЦИЯ

На Бродвее с успехом прошел фильм, поставленный по роману выдающегося писателя Франсиса Скотта Фицджеральда «Великий ГэТСБИ». В нем заняты великодушные актеры: роль ГэТСБИ исполняет известный кинорежиссер Роберт Рэдфорд, роль Дэйз Бьюкенен — Миа Фарроу. Сценарий написал Франсис Форд Коппола, постановщик «Крестного отца».

Критика оценила фильм весьма сдержанно. Когда смотришь на экран, убеждаешься в том, что режиссер и актеры пытаются не уходить от Фицджеральда. В фильме сохранены один из основных мотивов романа — осуждение культа денег. О Дэйз один из героев книги и фильма говорит, что она «пахнет деньгами».

Идеи романа, то они во многом исчезли за блестящими фасадами постановки, рассчитанной прежде всего на визуальный эффект (она обошлась в 4 400 000 долларов).

Успех фильма сразу же был использован лондонскими коммерсантами для романами разного рода товаров — от одежды до сигарет и сам быстрое в атом: в многочисленных магазинах, где торгуют гастролками, появились объявления, что в продажу поступили гастролки бабочкой за стили ГэТСБИ.

Газета «Нью-Йорк пост» 20 апреля 1974 года сообщила, что сейчас среди наиболее популярных книг в букинистических магазинах на второе место после учебника по половой жизни вышел роман «Великий ГэТСБИ». Я сам наблюдал, как в торговле «Валенсиа» в городе Ла Хойя около Сан-Диего студентка, работающая лифтером, читала Фицджеральда: на этот раз это был другой роман писателя — «Ночь нежна». Таким образом, фильм все-та-

ки сыграл свою роль, пробудив в широких кругах интерес к книгам большого американского художника.

...БЕЗ ЧЕХОВА

Три спектакля, которые я посмотрел на Бродвее, пожалуй, точно отражают основные тенденции современной театральной жизни, сегодняшнего коммерческого театра в Америке. Это спектакли «Добрый доктор» (по мотивам произведения Чехова), «Прыгуны» Тома Стоппарда и «Американский миллионер» Маррей Шингала.

«Добрый доктор» поставлен в театре Юджина О'Нила на 49-й улице. Полное название спектакля — «Добрый доктор. Новая комедия с музыкой». По мотивам рассказов Чехова.

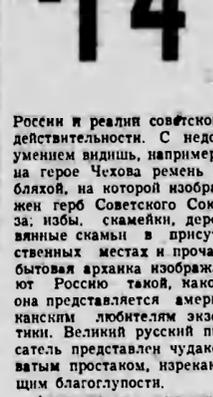
И пришел на дневной спектакль с небольшими опозданиями, когда началось представление. На сцене разговаривают оркестр — гармошка, флейта, скрипка, виолончель, гитары — исполняющих нечто подобное русским напевам. Не фоновый лиризм, а полноценная музыка. На сцене появляется Чехов, а затем появляется Чеховский рассказ превращен в бурлеск, бесконечно далек от Чехова. А портретное сходство Фельдшера и автора «Вишневой сады» в изображении Фельдшера лишь усугубляет недоразумение.

Их ставят свою губернаторку на путь истинный. Актеры Кристофер Пламмер, Барнард Хьюз, Катрин Уокер, Франсис Стернхаген, Рене Обержонюа — талантливые люди, но бродвейский коммерческий стиль, в котором они подаются, оказался сильнее их. Автор пьесы Нил Саймон попытался создать стереотипную картинку России в духе «Зависелкой клоуны», которая водчас нользимо вбивается в сознание американских читателей и зрителей людьми, не знающими русскую культуру.

Интерес к творчеству великого русского драматурга, который сейчас, в условиях ухудшения советско-американских отношений, стал еще более живым, нередко используется в целях бизнеса. Постановщики нарочито смещают детали: атрибуты парской

мешной буржуазной философии, которую а пьесе представляет профессор Джорджио. Он занят подготовкой и лекции на тему «Человек: хорошо или плохо или индифферентно», где поставлена «проблема» — что хорошего в хороших? Последующие заявления некоторых представителей английских и американских академических кругов кажутся драматургом остроты, и это находит отклик у аудитории. Однако в целом пьеса примитивна душой и волевыми средствами. Автор использует метафоры весьма вычужденные и вместе с тем карикатурно шокирующие зрителя. Так, например, словесной акробатике Джорджио сопоставляет аробатика Маргасу. Не без оснований Мел Гассо назвал в «Нью-Йорк таймс» Тома Стоппарда «слезным гимнастом».

Прыгуны исполняют и чисто зрелищную функцию. Они одеты в очень обтягивающие костюмы, подчеркивающие формы тела. Прелесть на сцене, одна из акробаток ухитряется стриптиз, символ, по мысли автора, символизирует собой, видимо, и стриптиз и теллукулярный. Постановщики не забыли позабыть

Профессор Я. ЗАСУРСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

БРОДВЕЙ

— 74 —

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СТРИПТИЗ

Если в театре Юджина О'Нила постановщики подогнали Чехова под бродвейские законы, то в театре Вилли Роуза была сделана попытка представить в ультрасовременном ключе пьесу «Прыгуны» английского драматурга Тома Стоппарда, написанную два года назад. Пьеса выдержана в сатирическом ключе: автор высмеивает современную западную цивилизацию. Она начинается со сцены, изображающей Англия в день выборов, на которых побеждает «либерально-радикальная партия». Английские профессора, поддерживающие эту партию, устраивают массовое представление, где выступают в роли прыгуны — акробатов в буквальном смысле и переносном — акробатов словесных. Спектакль представляет собой своеобразное соединение политической сатиры, иронических выпадов против профессурского геллертства с балетно-акробатическими номерами.

Автор лене стремится выстроить каноническую модель, которую выдает за истинную. Он пытается

торого деньги — единственный стимул жизни. Роль миллионера удачно играет Поль Сорвино. Пьеса вызывает бесспорный интерес публики, хотя и не всем нравится. Я слышал, как одна зрительница, выходя из зала, говорила своему мужу: «Разве все бизнесмены так вульгарны? Более резкую позицию, чем эта дама, заняла в отношении пьесы Шингала бульварная газета «Дейли Ньюс». В рецензиях Дулгаса Уотта под названием «Американский миллионер» — бесмысленный фарс» говорится в первую очередь о том, что театр «Круг в квадрате» едва держится на ногах из-за отсутствия денег и тем не менее усугубляет свои трудности спектаклем «Американский миллионер». Рецензент осуждает попытку постановщиков высчитать миллионеры. Рецензия заканчивается грозной фразой: «Американский миллионер» — это очень серьезная ошибка».

Таким образом, чуть на Бродвее возматает свежее дыхание, творческое состояние, требующее коммерческого театра, как реакционная критика немедленно вступает в бой. Конечно, и в пьесе «Американский миллионер» не обошлось без бродвейских штампов: показывая прищипку Наталюша Шваба с женой, постановщики заставляют актеров изображать на сцене интимную близость. В данном случае дело не доходит до стриптиза. Но режиссеры действующих лиц заусмыслили и расчленили на нетребовательное чувство юмора.

Посмотрев эти спектакли, я понял, почему наиболее талантливые американские драматурги не могут не выступать с убийственной критикой коммерческого подхода к искусству, воплощенном которого по-прежнему остается так называемый «бродвейский стиль».

Кадр из фильма «Великий ГэТСБИ»

Зрители и другими приятными моментами: жена Джорджио а то время, когда он занят подготовкой и лекции, в соседней комнате разговаривает с его коллегой — представителем зрительской общественности.

В результате получился спектакль, в котором присутствует лишь видимость философской концепции. На деле же мысль автора, сатирический заряд тонут в чисто игровых моментах. Попытка серьезного осмысления буржуазной действительности, критика нравов академической среды свелась к обычным приемам коммерческого театра (хотя «Прыгуны» — постановка более серьезная, нежели упомянутый выше спектакль по Чехову). В «Прыгунах» происходит известное соединение приемов модернистского театра и бродвейских штампов. Она предизначена как для «высокообразованных поклонников авангарда», так и для зрителей, желающих увидеть на сцене обнаженную актрису.

ТЕАТР «КРУГ В КВАДРАТЕ»

Пьеса называется «Американский миллионер» театр — «Круг в квадрате». Автор пьесы — известный американский драматург Маррей Шингала. Главным ее герой — Наталюша Шваб, миллионер, которым овладела манья преследования. Спектакль колоритно высмеивает нравы американских изобретателей, автор пьесы не скрывает своего негативного отношения к бизнесу. Для него американский миллионер — это грубое, малинтеллектное существо, у ко-

го ответа на бумо долгой ночью, Вадиме — утро на дворе ми вечер, Амуром превращен в милья дубровы, Пойкой наду, тогда исконит волны, И солнце поменяется с луною Лунам, и узнает ваший берег.

Рондает боль живую каждый берег, В дном броду а раздумья, плачу ночью, Не превращен превратною луною, Едва заре погаснет, что ни вечер Вздыхает грудь, из глаз струится волны, Которым смать под слаз и дубровы.

Враждебны города, но не дубровы Для дум, примет которых — злот берет Высокий, где живые льются волны, Когда в плачу безмятежной ночью, И в на день не поменяю вечер, Но предпучу деннику пред луною.

Вламен пастух, что был любим Луною! Мне спать бы радом с ним а тени

И та, кто близит мой последний вечер, С Амуром и Луной на злот берет Хоть до рассвета пусть пришла бы ночью, А солнце бы навек скрыли волны.

Ты завтра уришь волны под луною, Родившаясь ночью лесу дубровы, Ступи на берег дорогой под вечер.

С тах пор нах ангаа мой великой боли, Вшараванно уда, как оброк, Я нигого на, жду от новых строк, Помидм облететья горькой доан.

Печаль и словам приидит — мудроно ли Твоа дасища, Смрты! А ты, могилла, Счастливый страж прекрасного чала,

Почто меня, несчастного, забыла, Которому занцы застит мгла, Затам, что занкисло из светлю!

Все как мир превратит! Мне сегодня мило Как, что назалось воплощенно злм, Я вижу — боль во благо мне пошла, И а царство мпра путь война отпрлыла.

О тшестно маждм! О бесплодност О сколь быль а расплата тшмла, Когда бы счастье мне апустила дала Ты, чей примет — и небо, и могилла!

Но бог любви — мой поведьрй спелой — И ум глухой влекли меня в тулкн, Где угромала гибель неизбежна.

Благословенна та, кто а трудный мнг, На лучший берег указал ручьом, Мой низкий пламем обуздала нежно, Перед с итальянскоу Евгеним Соловьеву

Лунные сумерки над поляной, за ней высокие сосны, вдалеке угадывается море. Редкий для густонаселенной Англии вид из окна. Неприятно здесь ощущение простора.

Горит камин. Старый, уже почти слепой пас грееет на коврик перед огнем.

«Дей, Джими, на счастье лупу мне...» с легким акцентом читает по-русски хозяйка дома доктор Джесси Девис, критик, литературовед и преподаватель русского языка а политехническом институте Ливерпуля.

В кабинете Девис со стен смотрят фотографии Сергея Есенина, на полках его книги и книги о нем, в шкафах бесчисленные рукописи — это переводы стихов Есенина на английский и статьи о его творчестве. Автор их — Джесси Девис.

Коллекция великолепна. Какую бы книгу о Есенине я ни называла, Девис тут же снимает ее с полки. Да что книги! Знаю о любви хозяйки дома к Есенину, я привезла ей журнал «Огонь» со статьей Юрия Прокушева о Есенине в Баку. Вот, думала, поведает человек. И породвала.

«Ой, как хорошо!» сказала Девис. — У меня сейчас один экземпляр этой статьи, а его берегу, а мои студенты очень хотели ее почитать. Теперь я отдам им второй экземпляр.

«Откуда! — спрашиваю я. Джесси Девис пожимает плечами: «Чему вы удивляетесь! Стоило мне выступить на страницах советской печати

и рассказать о своей работе над Есениным, как у меня оказался легком Друзья! И все стараются прислать что-нибудь есенинское».

Докторская диссертация Джесси Девис, защищенная ею а 1968 году, называлась «Поэзия Сергея Есенина». — Моя переводческая работа шла параллельно с ис-

следовательской, это очень помогло мне при изучении того или иного произведения — рассказывает Девис, — ио какой же это оказался вский труд! И не только потому, что русский синтаксис богат и сложнее английского, а главное потому, что Есенина с его необычными метафорами, с его символической, наконец, с его буршевой а глубокой чувств трудно выразить до конца на каком-либо языке, кроме русского. Но велико искусство, полностью его, даь другим возможность узнать и полюбить поэта.

Джесси Девис перевела почти все стихи Есенина. Сейчас в Эксфордском издательстве готовится к печати «Есенида». Я включила

ответа с места событий. Но Мишель Гримо не ставит своей целью просто поугрызть читателей и пощекотать их нервы. Он хочет показать, что скрывает за своей грацией — читая ми в романе — но источник их — самое опасное, самое всепроникающее отравление: подчиненность всего и все денежному мешку, и против этого зла защитники чистой воды и чистого воздуха оказались безоружными. Стоило только попытаться говорить, как им немедленно затыкали рот, ибо те, кто курил финиан Богу Денег и наживал на этом огромные прибыли, управляли страной и диктовали законы.

Герои книги, борющиеся против ирреции бога денег и разграбления — юноши и девушки. И к ним обращено также краткое предисловие, написанное известным ученым — естествоиспытателем Аланом Бомбаром. «Такой роман, — пишет он, — показывающий опасности, которые нам угрожают, и объясняющий, какой ценой мы можем спастись, — необходим. Будем надеяться, что урок будет понят и наши внуки. Будут жить на земле. Более прервистой и жизнью более гармоничной».

Да, несомненно, защитники Примавера помертвуют в книге Гримо новые силы. Но справится со скверным Полема не так-то просто. По свидетельству парижского еженедельника «Ле Пуэн», «отравители» воспользовались даже энергетическим кризисом, для того чтобы спровоцировать программу мер по защите окружающей среды.

«В США, — читаем мы в журнале, — защитники природы терпят одно поражение за другим на всех фронтах... Все запреты, наложенные на тепловые электростанции, временно сняты. Отныне они могут беззаботно жарить атмосферу дурноусия серым. В Японии суровая программа защиты природы разлетелась в пух и прах. Даже а Швеции, считающейся раем «природолюбцев», все перестраивается самым жестоким образом».

Незавидна роль Поля в детской пьесе, но на сцене каллиграфической действительности все складывается так, что о слезах за нулисы отравляека бедня Примавера.

Н. ВЛАДИМИРОВ

и раскзать о своей работе над Есениным, как у меня оказался легком Друзья! И все стараются прислать что-нибудь есенинское».

Докторская диссертация Джесси Девис, защищенная ею а 1968 году, называлась «Поэзия Сергея Есенина». — Моя переводческая работа шла параллельно с ис-

следовательской, это очень помогло мне при изучении того или иного произведения — рассказывает Девис, — ио какой же это оказался вский труд! И не только потому, что русский синтаксис богат и сложнее английского, а главное потому, что Есенина с его необычными метафорами, с его символической, наконец, с его буршевой а глубокой чувств трудно выразить до конца на каком-либо языке, кроме русского. Но велико искусство, полностью его, даь другим возможность узнать и полюбить поэта.

Джесси Девис перевела почти все стихи Есенина. Сейчас в Эксфордском издательстве готовится к печати «Есенида». Я включила

ответа с места событий. Но Мишель Гримо не ставит своей целью просто поугрызть читателей и пощекотать их нервы. Он хочет показать, что скрывает за своей грацией — читая ми в романе — но источник их — самое опасное, самое всепроникающее отравление: подчиненность всего и все денежному мешку, и против этого зла защитники чистой воды и чистого воздуха оказались безоружными. Стоило только попытаться говорить, как им немедленно затыкали рот, ибо те, кто курил финиан Богу Денег и наживал на этом огромные прибыли, управляли страной и диктовали законы.

Герои книги, борющиеся против ирреции бога денег и разграбления — юноши и девушки. И к ним обращено также краткое предисловие, написанное известным ученым — естествоиспытателем Аланом Бомбаром. «Такой роман, — пишет он, — показывающий опасности, которые нам угрожают, и объясняющий, какой ценой мы можем спастись, — необходим. Будем надеяться, что урок будет понят и наши внуки. Будут жить на земле. Более прервистой и жизнью более гармоничной».

Незавидна роль Поля в детской пьесе, но на сцене каллиграфической действительности все складывается так, что о слезах за нулисы отравляека бедня Примавера.

Н. ВЛАДИМИРОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПОЛКИ ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

ПРИМАВЕРА И СКВЕРНЫЙ ПОЛЬ

ЛАВИЛЛЕ САНС СОЛЕН. ПРИМАВЕРА И СКВЕРНЫЙ ПОЛЬ

Какому жанру отнести это произведение? Научная фантастика? Но вряд ли достаточно только того, что события, описываемые в книге, разворачиваются около 1980 года, чтобы назвать его род без солнца научно-фантастическим романом. И даже такая деталь, что уже на первых страницах мы знакомимся с роботизированным автомобилем на Эрэ гитале, позволяющим на улице — не забывая так поступить, как правило, обходиться молчаливо, «Поллюсо» предстает а виде чужд ли на автономной силы, одержимый стремлением «все загрязнить и разрушить».

Книги, скрывающие социальные причины отравления и загрязнения окружающей среды, довольно редки, и, очевидно, именно поэтому французский еженедельник «Ле ваньер», орган всеобщей конфедерации трудя, внес а своей специ литературы, рекомендуемой для че-

твора с места событий. Но Мишель Гримо не ставит своей целью просто поугрызть читателей и пощекотать их нервы. Он хочет показать, что скрывает за своей грацией — читая ми в романе — но источник их — самое опасное, самое всепроникающее отравление: подчиненность всего и все денежному мешку, и против этого зла защитники чистой воды и чистого воздуха оказались безоружными. Стоило только попытаться говорить, как им немедленно затыкали рот, ибо те, кто курил финиан Богу Денег и наживал на этом огромные прибыли, управляли страной и диктовали законы.

Герои книги, борющиеся против ирреции бога денег и разграбления — юноши и девушки. И к ним обращено также краткое предисловие, написанное известным ученым — естествоиспытателем Аланом Бомбаром. «Такой роман, — пишет он, — показывающий опасности, которые нам угрожают, и объясняющий, какой ценой мы можем спастись, — необходим. Будем надеяться, что урок будет понят и наши внуки. Будут жить на земле. Более прервистой и жизнью более гармоничной».

Незавидна роль Поля в детской пьесе, но на сцене каллиграфической действительности все складывается так, что о слезах за нулисы отравляека бедня Примавера.

Н. ВЛАДИМИРОВ

и раскзать о своей работе над Есениным, как у меня оказался легком Друзья! И все стараются прислать что-нибудь есенинское».

Докторская диссертация Джесси Девис, защищенная ею а 1968 году, называлась «Поэзия Сергея Есенина». — Моя переводческая работа шла параллельно с ис-

следовательской, это очень помогло мне при изучении того или иного произведения — рассказывает Девис, — ио какой же это оказался вский труд! И не только потому, что русский синтаксис богат и сложнее английского, а главное потому, что Есенина с его необычными метафорами, с его символической, наконец, с его буршевой а глубокой чувств трудно выразить до конца на каком-либо языке, кроме русского. Но велико искусство, полностью его, даь другим возможность узнать и полюбить поэта.

Джесси Девис перевела почти все стихи Есенина. Сейчас в Эксфордском издательстве готовится к печати «Есенида». Я включила

ответа с места событий. Но Мишель Гримо не ставит своей целью просто поугрызть читателей и пощекотать их нервы. Он хочет показать, что скрывает за своей грацией — читая ми в романе — но источник их — самое опасное, самое всепроникающее отравление: подчиненность всего и все денежному мешку, и против этого зла защитники чистой воды и чистого воздуха оказались безоружными. Стоило только попытаться говорить, как им немедленно затыкали рот, ибо те, кто курил финиан Богу Денег и наживал на этом огромные прибыли, управляли страной и диктовали законы.

Герои книги, борющиеся против ирреции бога денег и разграбления — юноши и девушки. И к ним обращено также краткое предисловие, написанное известным ученым — естествоиспытателем Аланом Бомбаром. «Такой роман, — пишет он, — показывающий опасности, которые нам угрожают, и объясняющий, какой ценой мы можем спастись, — необходим. Будем надеяться, что урок будет понят и наши внуки. Будут жить на земле. Более прервистой и жизнью более гармоничной».

Незавидна роль Поля в детской пьесе, но на сцене каллиграфической действительности все складывается так, что о слезах за нулисы отравляека бедня Примавера.

Н. ВЛАДИМИРОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПОЛКИ ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

ПРИМАВЕРА И СКВЕРНЫЙ ПОЛЬ

ЛАВИЛЛЕ САНС СОЛЕН. ПРИМАВЕРА И СКВЕРНЫЙ ПОЛЬ

Какому жанру отнести это произведение? Научная фантастика? Но вряд ли достаточно только того, что события, описываемые в книге, разворачиваются около 1980 года, чтобы назвать его род без солнца научно-фантастическим романом. И даже такая деталь, что уже на первых страницах мы знакомимся с роботизированным автомобилем на Эрэ гитале, позволяющим на улице — не забывая так поступить, как правило, обходиться молчаливо, «Поллюсо» предстает а виде чужд ли на автономной силы, одержимый стремлением «все загрязнить и разрушить».

Книги, скрывающие социальные причины отравления и загрязнения окружающей среды, довольно редки, и, очевидно, именно поэтому французский еженедельник «Ле ваньер», орган всеобщей конфедерации трудя, внес а своей специ литературы, рекомендуемой для че-

твора с места событий. Но Мишель Гримо не ставит своей целью просто поугрызть читателей и пощекотать их нервы. Он хочет показать, что скрывает за своей грацией

